

Пролог

Июль 1973

Фрэнсис Глисон, высокий и стройный в светло-синей полицейской форме, спрятался от солнца в тени приземистого каменного здания, в котором располагался сорок первый полицейский участок. На пожарной лестнице соседнего дома, на четвертом этаже около сто шестьдесят седьмой квартиры сушились колготки. В ожидании своего напарника, копа-стажера Стенхоупа, Фрэнсис отметил неподвижность этих призрачных ножек, изящный изгиб возле предполагаемой пятки. Дом напротив вспыхнул прошлой ночью, повторив судьбу многих домов в этом районе: в глубине выгоревшего подъезда чернела лестница. Заревом любовались соседские ребяташки, по случаю первого жаркого дня ночевавшие на балконах и крышах. Теперь Фрэнсис слышал, как за углом малышня умоляет пожарного оставить открытым хоть один гидрант. И представлял, как дети подпрыгивают на успевшем раскалиться асфальте.

Фрэнсис посмотрел на часы и перевел взгляд на двери участка, гадая, куда запропастился Стенхоуп.

Восемьдесят восемь по Фаренгейту¹, а ведь нет еще и десяти утра. Америка — страна суровая, зимой здесь холод

¹ Приблизительно 31 градус по шкале Цельсия. — *Здесь и далее прим. ред.*

обжигает лицо, а летом духота такая, словно дышишь болотной жижей.

«Опять это твое ирландское нытье, — сказал ему утром дядя Пэтси. — Жара, жара, жара...» Правда, Пэтси день-деньской разливал пиво в прохладном баре, а Фрэнсис патрулировал улицы — пятнадцать минут походишь, и под мышками уже темные круги.

— Где Стенхоуп? — спросил он у стажеров, которые, как и он, собирались на смену.

— Со шкафчиком возится, — бросил один из ребят не оборачиваясь.

Наконец спустя еще целую минуту Брайан Стенхоуп появился в дверях. С Фрэнсисом они познакомились в полицейской академии и по воле судьбы оба оказались в сорок первом участке. Как-то раз после занятий по тактике Брайан нагнал Фрэнсиса у входа в аудиторию:

— Ты ведь ирландец, да? В смысле натуральный, из Ирландии? Прямо с корабля?

Фрэнсис ответил, что он с запада, из Голуэя. И прибыл самолетом, мысленно добавил он.

— Я так и понял. У меня подружка тоже оттуда, из Дублина. Вот и хочу у тебя кое-чего спросить.

Фрэнсис подумал, что из Голуэя что до Дублина, что до Нью-Йорка. Но янки этого не объяснишь.

Фрэнсис напрягся — вопрос мог оказаться неудобным. Это было первое, что он подметил в Америке: местные за просто спрашивают все, что только в голову взбредет. Где ты живешь? С кем живешь? Сколько платишь за квартиру? Что делал на прошлых выходных? Фрэнсису, который испытывал неловкость всякий раз, когда выкладывал покупки на ленту в магазине, это казалось чересчур. «Вечеринка

намечается», — заметил кассир в прошлый раз. Упаковка «Будвайзера». Пара картофелин. Дезодорант.

Брайан стал рассказывать, что подружка его совсем не общается с другими ирландцами. Ей всего восемнадцать, и повсюду одна ходит. Бывает, думаешь, она подружку или там кузину приведет — а она одна является. Могла бы себе хоть в соседки ирландку найти. Их же везде полно. Она на медсестру учится, проходит стажировку в клинике Монтефиоре и в общежитии живет с цветной девчонкой, тоже медсестрой. Это у ирландцев так принято? А то Брайан до этого немножко с русской девушкой гулял, так она только с русскими и тусовалась.

— Вообще-то я сам ирландец, — добавил Стенхоуп, — но мои сюда давным-давно приплыли.

Еще одна американская фишка. Здесь решительно все — ирландцы, чьи предки приплыли сюда давным-давно.

— Может, твоя девушка просто умная, раз старается держаться подальше от нашего брата, — невозмутимо заметил Фрэнсис.

Дошло до Стенхоупа не сразу.

В день выпуска перед новоиспеченными полицейскими выступал сам мэр Линдси. Фрэнсис сидел в третьем ряду и думал о том, как странно видеть наяву человека, на которого привык смотреть по телевизору. Родился Фрэнсис в Нью-Йорке, младенцем был увезен в Ирландию и вернулся в Штаты накануне девятнадцатого дня рождения с американским паспортом и десятью долларами в кармане. В аэропорту Джона Кеннеди его встретил Пэтси, брат отца, взял у него сумку и бросил на заднее сиденье своей машины.

— Добро пожаловать домой! — приветствовал он племянника.

Считать домом эту громадную чужую страну казалось чудно. Уже на следующий день Пэтси приставил Фрэнсиса к работе в своем пабе, что располагался в Бей-Ридже, между Третьей авеню и Восемнадцатой улицей. На вывеске красовался трилистник клевера. Первая же посетительница заказала пиво, и Фрэнсис поставил перед ней высокий бокал.

— Ну и что это, по-твоему? — спросила женщина. — Полпинты?

Она обвела взглядом барную стойку: перед каждым посетителем — а это были сплошь мужчины — стояла большая кружка.

Фрэнсис показал ей кружку на одну пинту.

— Вы такую хотите? — спросил он. — Целую?

Догадавшись, что мальчишка не только в пабе, но и в Америке без году неделя, посетительница перегнулась через стойку, пригладила ему волосы и потрепала по щеке.

— Угадал, красавчик, — сказала она.

Как-то раз, примерно через год после того, как Фрэнсис ступил на американскую землю, в паб зашли двое молодых полицейских. Они показывали всем фоторобот преступника, попутно обмениваясь шутками с Пэтси, Фрэнсисом и друг с другом. Когда копы уже собрались уходить, Фрэнсис набрался смелости и, как заправский американец, забросал их вопросами. Где учат на полицейских? Это очень трудно? Сколько им платят? Копы разговорились не сразу. Дело было в феврале, Фрэнсис ходил в старом дядином свитере и на фоне парней в отглаженной форме и щегольских фуражках выглядел сущим оборванцем. Потом коп, что был пониже ростом, признался, что раньше работал на автомойке своего брата на Флашинг-авеню. Хотя там все уже

автоматизировали, брызги долетали до него все равно, и зимой к концу смены он замерзал как собака. Жуткая работенка! К тому же девчонкам полицейские нравятся больше мойщиков.

Его напарник отвечал немного через губу. Он стал копом, потому что копом был его отец. И двое дядьев. И дед. У него служба в крови.

Фрэнсис вспоминал об этом разговоре до самой весны. На улице, в метро, в телевизоре он невольно цеплялся взглядом за людей в полицейской форме. И даже сходил в участок, спросить, какие экзамены надо сдавать, когда и где. Когда Фрэнсис рассказал о своих планах дяде Пэтси, тот заявил, что задумка отличная — каких-то двадцать лет, и ты на пенсии. В его устах «двадцать лет» звучало как сущий пустяк, хотя это было больше, чем Фрэнсис успел прожить на свете. Через двадцать лет, если тебя не убьют, получишь заслуженный отдых. Фрэнсис мысленно разделил свою жизнь на отрезки по двадцать лет каждый и впервые задумался, сколько таких отрезков у него впереди. Молодость — великое дело, утверждал Пэтси. Жаль, он не понимал этого в свои девятнадцать.

После выпускного их разделили на группы и отправили на стажировку в разные участки. Фрэнсис и еще три десятка ребят, в их числе и Брайан Стенхоуп, попали в Браунсвилл, а потом в Бронкс, где и началась настоящая работа. Фрэнсису исполнилось двадцать два. Брайану было на год меньше. Они не то чтобы сблизились, но видеть на планерках знакомое лицо было приятно. Ничего такого, к чему Фрэнсис готовился, пока не происходило. Даже участок оказался совершенно не таким, каким он его себе представлял, когда поступал в академию. Снаружи выглядел он не

особо — облупленный, загаженный птицами фасад с колючей проволокой, протянутой по крыше. Но внутри было еще хуже. Стены, пол, потолок — все либо сырое, либо облупленное, либо липкое от грязи. Батарея в совещательной комнате треснула пополам, и под нее подставили старую кастрюлю. Штукатурка сыпалась с потолка прямо на столы, документы и головы. В камеры на троих упихивали по три десятка задержанных. Вместо того чтобы приставить новичков к опытным наставникам, их отправляли в патруль с такими же новичками.

— Слепой ведет слепого, — пошутил тогда сержант Рассел и пообещал, что это ненадолго. — А пока постарайтесь не наделать глупостей.

А теперь Глисон и Стенхоуп, миновав сгоревшее здание, направлялись на север. Вдалеке в очередной раз заведывала пожарная сигнализация. Новоиспеченные патрульные могли показать очертания своего участка на карте, но собственными глазами их пока не видели. Машины распределялись по старшинству, а в утреннюю смену выходили в основном «старики». Можно было доехать до границы участка на автобусе, а оттуда двинуться пешком, но Стенхоуп заявил, что в автобус в форме не полезет, — бесит, когда все вокруг напрягаются и начинают пялиться.

— Тогда пойдем своим ходом, — предложил Фрэнсис.

И, обливаясь потом, они принялись обходить квартал за кварталом; у каждого на поясе — дубинка, наручники, рация, пистолет, патроны, фонарик, перчатки, блокнот, карандаш и связка ключей. В иных кварталах их встречали только груды щебня да сгоревшие машины, и патрульные внимательно глядели по сторонам, проверяя, не прячется ли кто-нибудь среди обломков. Девчонка кидала теннисный мячик о стену дома. Посреди тротуара валялась пара

костылей, которые Стенхоуп не преминул пнуть. Каждый дом, каждую оставшуюся стену покрывали граффити. Завиток за завитком, их причудливые изгибы и петли заключали в себе движение, жизнь, и на сером фоне казались кричаще-яркими.

Утренняя смена — подарок судьбы. Если нет ордеров на арест, до обеда почти всегда тихо. Свернув на Южный бульвар, молодые патрульные почувствовали себя путешественниками, которым удалось благополучно пересечь пустыню. Вместо безлюдных, точно вымерших проулков перед ними возникли вереницы машин, витрины магазина мужской одежды с костюмами самых разных цветов, винные лавки, магазин открыток, парикмахерская и бар. На углу приветственно мигнула фарами полицейская машина.

— А у меня жена на сносях, — сообщил Стенхоуп, нарушив долгое молчание. — Ко Дню благодарения должна родить.

— Та ирландка? — спросил Фрэнсис. — Вы поженились?

Он попытался вспомнить: когда Стенхоуп говорил о своей девушке, еще в академии, они были помолвлены? Разговор состоялся в ноябре, то есть всего четыре месяца назад.

— Ага, — кивнул Стенхоуп. — Уже две недели как.

Церемония прошла в городской ратуше. Потом был обед на Двенадцатой улице, во французском ресторанчике, про который Стенхоуп вычитал в газете; у тамошних блюд оказались непроезжие названия, и, чтобы сделать заказ, пришлось тыкать пальцем в меню. Энн в последний момент пришлось переодеться: свадебное платье оказалось ей уже мало.

— Она хочет обвенчаться, как только ребенок родится. Мы собирались провернуть это по-быстрому, но нам везде отказали, и живот не помог. Теперь Энн надеется устроить,

чтобы венчание и крещение были в один день. В смысле друг за другом.

— Брак есть брак, — признал Фрэнсис и горячо поздравил напарника.

Не дай бог, Стенхоуп заметит, что он считает в уме. Не по ханжеству, просто по ирландской привычке, — ничего, скоро отвыкнет. В Америке все по-другому. Здесь женщины водят такси, в церковь можно зайти в шортах и футболке. По Таймс-сквер люди гуляют чуть ли не в трусах.

— Хочешь, я ее тебе покажу? — спросил Стенхоуп, снимая фуражку.

Он достал из-за подкладки фотографию хорошенькой блондинки с изящной, длинной шеей. Там же, за подкладкой, вместе с образком архангела Михаила, хранился снимок юного Брайана с каким-то парнишкой.

— Кто это? — спросил Фрэнсис.

— Мой брат, Джордж. Это мы на стадионе.

Фрэнсису не приходило в голову носить фотографии за подкладкой фуражки, а сложенный вдвое образок архангела Михаила он хранил в бумажнике. В день выпуска он сделал предложение Лине Теобальдо, и она сказала да. Не за горами то время, когда он сам похвастается парням, что скоро станет отцом. Лина была наполовину полькой, наполовину итальянкой. Когда Фрэнсис украдкой наблюдал, как она роется в сумочке или чистит яблоко, придерживая пальцем нож, его охватывал ужас: а что, если бы они не встретились? А что, если бы он не приехал в Штаты? А если бы ее родители не приехали? Где еще, кроме Америки, итальянец и полька могли пожениться и заделать такую дочку? А если бы он не работал в пабе в тот день, когда она зашла спросить, нельзя ли снять зал для семейной вечеринки? Ее сестра поступила в колледж, рассказала Лина. Очень умная

девочка, ее даже взяли учиться бесплатно, дали полную стипендию.

— Вы тоже поступите, когда окончите школу, — ободрил ее Фрэнсис.

Лина рассмеялась. Оказалось, она окончила школу год назад, но в колледж не попала. Ну и ладно, устроилась нормально. Ее буйные кудри лежали на смуглых голых плечах — одета она была во что-то без бретелей. Работает она в центре обработки данных «Дженерал моторс» на Пятой авеню, в двух шагах от «ФАО Шварц». Фрэнсис понятия не имел, что такое «ФАО Шварц». Он прожил в Америке всего четыре месяца.

— Все спрашивают, уедем ли мы из города, — продолжал Стенхоуп. — Сейчас мы живем в Куинсе, но квартирка совсем маленькая.

Фрэнсис пожал плечами. Он понятия не имел, на что похожи американские пригороды, но идея провести всю жизнь в тесной квартире ему совсем не нравилась. Фрэнсис мечтал о земле. О саде. О просторе. Но пока что они с Линой собирались после свадьбы поселиться у ее родителей, чтобы поберечь деньги.

— Знаешь такой городок — Гиллам? — спросил Стенхоуп.

— Нет.

— Я тоже нет. Но есть один парень, Джефф. По-моему, он сержант. Так вот, этот Джефф говорит, что Гиллам всего в двадцати милях к северу и там полно наших ребят. Перед каждым домом лужайка, и детишки развозят газеты на великах, как в «Семейке Брэйдс».

— Как, ты сказал, он называется? — переспросил Фрэнсис.

— Гиллам, — ответил Стенхоуп.

— Гиллам, — повторил Фрэнсис.

Когда они дошли до следующего квартала, Стенхоуп заявил, что у него в горле пересохло, и неплохо бы взять пивка. Фрэнсис притворился, что не услышал. В Браунсвилле патрульные иногда выпивали на службе, но исключительно тайком, в машинах. Фрэнсис не то чтобы трусил, но в полиции-то оба они совсем недавно — если влипнут, на снисхождение рассчитывать не придется.

— Давай по содовой с мороженым, — предложил Фрэнсис.

Дверь в закусную была распахнута и подперта двумя кирпичами, но внутри все равно стояла адская жара. За каской сидел старичок в пожелтевшей бумажной шляпе и кособоком галстук-бабочке. Он тут же воззрился на полицейских. Над головой у него исступленно жужжала жирная черная муха.

— Содовая холодная, приятель? Молоко свежее? — осведомился Стенхоуп.

Широкоплечий и громогласный, он мигом заполнил собой тихую закусную. Фрэнсис посмотрел на свои ботинки, перевел взгляд на стекло витрины, затянутое сеткой трещин и подклеенное скотчем. «У меня хорошая работа», — сказал он себе. Уважаемая. Ходили слухи, что в семьдесят третьем году вообще не будет набора из-за сокращения бюджета, но его курсу удалось проскочить.

И тут ожили рации. Они и раньше включались, донося до патрульных обрывки чужих разговоров, и снова затихали, но на этот раз все было по-другому. Фрэнсис усилил звук. Стрельба в продуктовом магазине в доме восемьсот один на Южном бульваре; возможно ограбление. Фрэнсис бросил взгляд на номер на двери закусной — восемьсот три. Старик за прилавком махнул рукой в сторону стены, точнее, того, что было за стеной.

— Доминиканцы, — произнес он, и слово будто повисло в воздухе.

— Я не слышал выстрела. А ты? — спросил Фрэнсис.

Диспетчер повторил вызов. Дрожь пробрала Фрэнсиса от горла до ширинки, но он потянулся к рации и шагнул к выходу.

На ходу расстегивая кобуры, двое молодых патрульных приблизились к магазину. Фрэнсис шел первым.

— Может, подождем? — спросил Стенхоуп, но напарник шагнул вперед, мимо двух таксофонов, мимо жужжащего лопастями вентилятора.

— Полиция! — крикнул он, остановившись на пороге.

Внутри было пусто, покупатели, если они и были, успели разбежаться.

— Глисон, — произнес Стенхоуп, кивнув на залитые кровью сигаретные пачки у кассы.

Кровавые узоры запечатлели мощь чьего-то сердца — на вид даже не красные, а лиловые, они достигали отсыревшего потолка, оплетали ржавую вентиляционную решетку. Фрэнсис взглянул на пол — красный ручеек огибал прилавок и бежал по проходу. Он вел к двери в подсобку, где, скрючившись, лежал на боку человек с мертвенно-бледным лицом. Под ним растекалась устрашающих размеров багровая лужа. Пока Стенхоуп вызывал помощь, Фрэнсис опустился на колени возле раненого, положил ему два пальца на выемку под подбородком, потом взял за руку и попытался нащупать пульс.

— Жара невозможная, — хмуро сказал Стенхоуп.

Он открыл холодильник, достал бутылку пива, сбил крышку о полку и выпил залпом. Фрэнсис подумал о городке под названием Гиллам. О городке, в котором можно ходить босиком по мокрой от росы траве. Нам не дано